

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.82

Система мер борьбы с побегами и другими протестными действиями заключенных в местах лишения свободы в 30-е гг. XX в. в СССР

С.И. КУЗЬМИН – профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Е.С. ЯКУШИНА – преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России, кандидат юридических наук

В статье анализируются особенности исправительно-трудовой политики советского государства в 30-е гг. XX в., дается оценка мер, принимаемых руководством мест лишения свободы в борьбе с побегами и другими протестными действиями заключенных; рассматриваются факторы, способствовавшие побегам и другим формам уклонения от отбывания наказания в виде лишения свободы, в том числе уклонения от обязанности трудиться.

К л ю ч е в ы е с л о в а : пенитенциарная система, исправительно-трудовые лагеря, трудовые процессы, принудительный труд, предотвращение побегов, протестные действия заключенных.

Some ways to evade compulsory labor by inmates in prisons in the 30-ies years of the XX century

S.I. KUZMIN – Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicted of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor;

E.S. YAKUSHINA – Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD. in Law

The article analyzes the characteristics of forced labor policy of the Soviet state in the 30-ies of XX century, evaluated is the measures system taken by the management of prisons in dealing with escapes and other protest actions of the prisoners; it examines the factors that contributed to the escapes and other forms of evasion from serving the penalty of deprivation of liberty, including the evasion of the obligation to work.

Key words: penal system; forced labor camps; labor processes; forced labor; to prevent the escape; the prisoners protest actions.

Отличительной чертой советской карательной системы стал обязательный труд, который, согласно международному праву,

если к нему привлекаются граждане в соответствии с фактом осуждения, не является принудительным. К тому же любой политиче-

ский режим стремится хотя бы частично окупить содержание заключенных в изоляции. Идеологи советской пенитенциарной политики с первых лет ставили задачу «приучения праздного и паразитического элемента к труду», так как полагали, что в государстве нового типа, способном ликвидировать безработицу, удастся победить уголовную преступность, предоставив возможность честным трудом заработать себе на жизнь¹.

В первые годы функционирования исправительно-трудовых лагерей изоляция заключенных от общества выражалась в направлении их в необжитые места на севере страны, Дальнем Востоке, в Казахстане и т.д. Проживали они на неохраямой территории под надзором, а для предотвращения побегов устраивались заставы военизированной охраны, которая комплектовалась из самих заключенных, до осуждения служивших в Красной армии, на флоте или в правоохранительных органах.

Следует отметить, что опыт борьбы с побегами заключенных из лагерей формировался еще в период интенсивного роста численности контингента Соловецких лагерей ОГПУ, где на апрель 1930 г. содержалось 57 325 заключенных (54 973 мужчины и 2352 женщины). В сводке побегов из всех подразделений УСЛОН отмечалось, что с 1 октября 1929 г. по 1 апреля 1930 г. бежало 1540 заключенных, из них была задержано 1084, убито 78, не разыскано 378 чел.² Побегу преимущественно совершались с места работ заключенных, особенно лесоразработок. При установлении факта побега силами военизированной охраны проводились первичные мероприятия по поимке сбежавших. Через сутки информация передавалась в лагерное отделение, руководитель которого давал задание соответствующим заставам уведомить разные учреждения и ставил в известность управления лагерей. Фактически розыск велся военизированной охраной в районе подразделения, из которого был совершен побег. Информировались заставы, перекрывавшие возможные пути движения бежавших. Отсутствие согласованных оперативных мероприятий осложняло и затягивало розыскные мероприятия.

В начале 30-х гг. XX в. прослеживалась побеговая активность со стороны трех категорий заключенных: осужденных за шпионаж, участников повстанческого движения и контрреволюционеров. В частности, в 1932 г. попытку побега предпринял капитан мотобота «Волгарь» заключенный Горский Н.Н., осужденный в 1925 г. за шпионаж. Следуя на

мотоботе, на котором была спрятана гражданка Камбулова, из Кандалакши в Мурманск, он попытался склонить моториста Гробусова и рулевого Овсянникова совершить вместе с ним побег. Однако матросы связали капитана и сдали его вместе с Кабуловой в Мурманске в окружной отдел ОГПУ. При обыске на боте были обнаружены приготовленные Горским норвежский флаг и карта заграничного плавания у берегов Норвегии³.

Одним из факторов, способствовавших побегам, являлось то, что население не только не помогало в поимке беглецов, но и зачастую оказывало им помощь, предоставляя ночлег, еду, одежду. Но сбежавшие нередко занимались грабежом. В целях предотвращения преступлений в районе расположения лагерей стала проводиться разъяснительная работа среди населения. Это позволило значительно снизить побеговую активность заключенных.

В первое время карательная политика в отношении побегов из мест лишения свободы в основном выражалась в увеличении срока отбывания наказания. Однако уже в 1931 г., как об этом свидетельствуют архивные документы, к восьми заключенным была применена высшая мера наказания – расстрел. Их дела были рассмотрены ОГПУ СССР в соответствии с Постановлением Президиума ЦИК СССР от 13.06.1930 г. «Об ответственности административно-технического персонала исправительно-трудовых лагерей и об ответственности лиц, совершивших побег из ИТЛ». В этом нормативном акте указывалось, что за побег, совершенный вторично или лицом вооруженным, или с насилием над стражей, или группой лиц, срок заключения увеличивался до 10 лет. К лицам, осужденным за контрреволюционные преступления или бандитизм, в этих случаях могла быть применена высшая мера – расстрел⁴.

Несмотря на вышеуказанное постановление, практика ответственности заключенных за побег из мест лишения свободы не была однозначной. Это подтверждают архивные документы Карагандинского ИТЛ. Здесь за побег применялось водворение виновных в штрафной изолятор. В частности, в 1932 г. в штрафной изолятор были помещены на 6 месяцев – 10 чел., на 5 месяцев – 4 чел., на 3 месяца – 2 чел. и на 2 месяца – 8 чел.⁵ Время, которое заключенный находился в бегах, не подлежало включению в срок отбытого наказания. Об этом свидетельствует Постановление информационно-следственного отдела лагеря № 203 от 21.02.1932 г., в соот-

ветствии с которым заключенные за побег подлежали переводу в штрафной изолятор на срок до 6 месяцев. Из основного срока заключения исключалось по 30 суток (время пребывания в бегах). Данное постановление считалось условным и не приводилось в исполнение впредь до совершения какого-либо преступления⁶.

В отдельных лагерях борьбе с побеговой активностью заключенных не придавалось должного значения. В письме заместителя начальника УНКВД по Северному краю Шийрон в адрес начальника Ухто-Печорского ИТЛ Я.М. Мороза от 09.10.1934 г. прямо указывалось, что борьба с побегами совершенно не ведется. «Оживление работы III отдела лагеря свелось к увеличению выпуска информационных сводок, построенных на первичных (часто не проверенных) донесениях осведомителей или личных впечатлениях работников III отдела»⁷. О том, что борьба с побегами не велась и в последующие годы, свидетельствует докладная записка секретаря Усть-Вымского РК ВКП(б) И.Ф. Лапина в Коми обком ВКП(б) т. Семичеву, в которой сообщалось, что «за побеги из 5-го отделения за 1937 год никого не судили»⁸.

Производственно-хозяйственная деятельность в лагерях требовала максимального использования бесконвойных заключенных, что позволяло также экономить средства за счет военизированной охраны. Однако массовые побеги заключенных не только нарушали нормальную деятельность лагерей, но и подрывали фундаментальные основы новой карательной политики государства, рассчитанной на самоокупаемость мест лишения свободы. На сокращение побеговой активности заключенных администрация лагерей нацеливал циркуляр ГУЛАГа ОГПУ № 109 от 21.05.1934 г., содержащий дополнительные указания к Временному положению об организации борьбы с побегами заключенных из исправительно-трудовых лагерей ОГПУ, которым преследовалась цель введения круговой поруки среди заключенных. Циркуляр требовал формировать бесконвойные бригады, трудовые артели, трудовые коллективы на основе ответственности всех за действия одного. Круговая порука должна была приниматься с общего согласия заключенных производственного подразделения и оформляться на общих собраниях с обязательным протоколированием обязательств и подписью каждого в протоколе. Протоколы общих собраний со списками предварительно согласовывались с III отделом, который в отношении отдельных заключенных

мог не дать согласия. Заключенные, не желавшие брать на себя обязательства круговой поруки, а также если со стороны общего собрания или III отдела последуют отводы, к бесконвойным работам не допускались.

Бесконвойным производственным подразделениям, зарекомендовавшим себя с положительной стороны в быту и на производстве, предоставлялись преимущества в культурно-бытовом обслуживании (лучшие общежития, просмотр кинофильмов, концерты художественной самодеятельности и агитбригад и др.). Руководителям лагерей рекомендовалось поощрять заключенных, активно боровшихся с побегами, в том числе представлять к условно-досрочному освобождению или сокращению срока наказания. Само право бесконвойного передвижения расценивалось как особая мера поощрения, что отражалось в характеристике.

Резкий рост численности заключенных в некоторых исправительно-трудовых лагерях в начале 30-х гг. XX в., в том числе за счет числа истощенных этапированных из домов заключения ГУМЗ НКВД РСФСР и союзных республик, при неудовлетворительных материально-бытовых условиях и медицинском обеспечении неизбежно приводил к увеличению заболеваемости. В то же время Главное управление лагерей отмечало участвовавшие случаи искусственных заболеваний заключенных в целях как временного освобождения от работ, так и досрочного освобождения из лагерей по инвалидности. Практиковавшиеся медицинскими разгрузочными комиссиями досрочные освобождения из лагерей по болезни и инвалидности вызывали у заключенных стремление «заболеть», чтобы попасть под освобождение.

Первоначально в лагерях для достижения этой цели заключенные прибегали к саморубам, членовредительству, а затем стали использовать средства, вызывавшие желудочно-кишечные расстройства и даже отеки из-за поедания большого количества соли, сухого кофе, употребления некипяченой воды.

В Указании ГУЛАГа № 663570 от 25.05.1933 г. начальником исправительно-трудовых лагерей в целях усиления борьбы с симуляцией болезней и членовредительством среди заключенных пояснялось, что смертельные случаи отравлений дикорастущими растениями (в Дмитлаге и Балахне) вызывались не только желанием полакомиться или пополнить питание, но и предвидением возможности заболеть. С такой же целью следовало расценивать и поедание отбросов из помоек. Увеличение

желудочно-кишечных заболеваний в летнее время затрудняло распознавание искусственных заболеваний⁹.

Нежелание искупать вину трудом, к чему призывали руководители ОГПУ, вызывало протестные действия со стороны заключенных, иногда оригинальные. Вот как об этом написал в рапорте на имя председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды уполномоченный коллегии В.Д. Фельдман: «Приехали из Смоленска сотни две заключенных. Поместили в барак. На утро приходят все босые, а некоторые совсем раздеты. Обувь сожгли, чтобы не идти на работу. “Босые не пойдем, а выдадите еще – опят сожжем”. Что делать?»¹⁰

Эта форма протеста, зародившаяся в Управлении северных лагерей особого назначения в конце 1928 г., встречалась во всех лагерях, например, при строительстве канала Москва-Волга. С 1 октября по 15 декабря 1935 г. осужденные продали важнейшие предметы вещевого довольствия на сумму 140 000 руб. По Юрьевскому району лагерниками были проданы 133 телогрейки, 261 полупальто, 73 пары ватных шаровар, 249 пар валенок, 74 одеяла, 458 пар кожаной обуви. Не лучше обстояли дела в Центральном районе, где заключенными были проданы 190 полупальто, 119 телогреек, 73 пары ватных шаровар, 152 пары валенок, 129 одеял и 292 пары кожаной обуви¹¹.

Одной из форм протеста против карательной политики и условий содержания служили голодовки. Эта форма протеста использовалась в 30-е гг. только политическими заключенными. Архивные документы свидетельствуют о том, что наиболее известной из них была голодовка политзаключенных Верхнеуральского изолятора. Поводом послужило ранение в грудь часовым с вышки троцкиста Есосяна, стоявшего у окна камеры и переговаривавшегося с другими заключенными. В связи с этим в знак протеста всеми заключенными изолятора было выдвинуто требование приезда комиссии для расследования и придания суду виновных, а также смягчения режима содержания. Голодовка началась 26 апреля 1931 г., продолжалась 5 дней и была прекращена после обещания, что комиссия приедет. Однако по объективным причинам, как об этом докладывал исполняющий обязанности прокурора Верховного Суда СССР Р.П. Катонян секретарю ЦИК СССР А.С. Енукидзе 20 июля 1931 г., комиссия смогла выехать только 27 июня¹².

После того как Н.И. Ежов возглавил НКВД СССР, он распорядился этапировать контингент заключенных из политизоляторов в исправительно-трудовые лагеря для ис-

пользования в трудовых процессах. В частности, большая группа политзаключенных была направлена для отбывания наказания в Воркутинский ИТЛ. Условия содержания в лагерях оказались для них достаточно либеральными. Это усматривается из заявления заключенного М.А. Рыбальченко, в котором он сообщал, что на участке Воркута содержатся троцкисты, которые не работают, а получают масло, молоко и другие продукты. Начальник пересыльного пункта Уса и начальник тяги Воркутинской железной дороги содержат троцкистов в лучших условиях по сравнению с другими заключенными и снабжают продуктами¹³.

Осужденные на срок от 3 до 5 лет за контрреволюционную троцкистскую деятельность считали себя не обязанными работать в лагере и отбывать там наказание, требовали возвратиться их в политизоляторы, а в лагерях содержать на положении политзаключенных. Для достижения своей цели они объявили голодовку, в которой по состоянию на 20 ноября 1936 г. участвовало 160 чел. Среди них находились сын Л. Троцкого Седов Сергей Львович, Рютин Виссарион Мартынович и другие известные личности. Отдельные заключенные голодовку объявляли неоднократно. Так, помощник начальника управления, начальник 3 отдела старший лейтенант госбезопасности Черноиванов 23 ноября обратился за получением санкции к прокурору Ухтопечлага Цареву для применения принудительного кормления Гинзбург Елены Яковлевны, объявившей вторичную голодовку 17 ноября 1936 г. Поскольку состояние здоровья заключенной угрожало жизни, то он просил не задерживаться с ответом. В тот же день разрешение от прокурора было получено¹⁴.

По указанию Н.И. Ежова в начале 1937 г. проводилась проверка существовавшего в тюрьмах особого назначения НКВД режима содержания, куда из лагерей стремились попасть политические заключенные, ранее отбывавшие там наказание. В изданном по результатам проверки приказе НКВД СССР № 00112 от 15.03.1937 г. отмечалось, что этот режим не обеспечивает должной изоляции особо опасных государственных преступников и извращает линию карательной политики в отношении наиболее озлобленных врагов советской власти.

Отрицательную роль для повседневной деятельности системы исправительно-трудовых лагерей играло и взятое ОГПУ обязательство сделать ее самокупаемой. Вследствие этого заключенные обрекались на полуголодное существование, тяжелей-

шие материально-бытовые условия и неудовлетворительное медицинское обслуживание. К тому же недостаточный контроль, особенно в отдаленных лагерных пунктах, за деятельностью низовой администрации способствовал распространению лагерного бандитизма, породил злоупотребления со стороны должностных лиц, незаконные расстрелы, ущемление прав осужденных и

др. Все это вызывало протестные действия заключенных против карательной политики государства и условий содержания в местах лишения свободы. В последующие годы эволюция протестных действий заключенных непосредственно связана с изменением карательной и исправительно-трудовой политики государства на различных этапах развития советского государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подр.: Кузьмин С.И., Якушина Е.С. Аналитическая справка по истории развития исправительно-трудовых учреждений в Советском государстве (1917–1953 гг.): Учеб. пособие. Руза, 2014.

² См.: История сталинского ГУЛАГа: В 7 т. М., 2004. Т. 4. С. 139, 141.

³ См.: ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 1074. Л. 47–48.

⁴ См.: Там же. Д. 912. Л. 5.

⁵ См.: Архив Карагандинского ИТЛ. 1932. Д. 1. Л. 33–34.

⁶ См.: Там же. Л. 161.

⁷ Архив МВД Республики Коми. Ф. 6. Оп. 33. Д. 33. Л. 64.

⁸ Там же. Л. 136–137.

⁹ См.: ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2741. Л. 21.

¹⁰ История сталинского ГУЛАГа. Т. 2. С. 72.

¹¹ См.: ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 1. Д. 89. Л. 70.

¹² См.: Там же. Ф. Р-3316. Оп. 65. Д. 71. Л. 2–5.

¹³ См.: Там же. Д. 2. Л. 96.

¹⁴ См.: Там же. Л. 6–12.

¹ См. подр.: Kuz'min S.I., Jakushina E.S. Analiticheskaja spravka po istorii razvitija ispravitel'no-trudovyh uchrezhdenij v Sovetskom gosudarstve (1917–1953 gg.): Ucheb. posobie. Ruza, 2014.

² Istorija stalinskogo GULAGa: V 7 t. M., 2004. T. 4. S. 139, 141.

³ См.: GA RF. F. R-3316. Op. 64. D. 1074. L. 47–48.

⁴ См.: Tam zhe. D. 912. L. 5.

⁵ См.: Arhiv Karagandinskogo ITL. 1932. D. 1. L. 33–34.

⁶ См.: Tam zhe. L. 161.

⁷ Arhiv MVD Respubliki Komi. F. 6. Op. 33. D. 33. L. 64.

⁸ Tam zhe. L. 136–137.

⁹ См.: GA RF. F. R-9414. Op. 1. D. 2741. L. 21.

¹⁰ Istorija stalinskogo GULAGa. T. 2. S. 72.

¹¹ См.: GA RF. F. R-3316. Op. 1. D. 89. L. 70.

¹² См.: Там же. Ф. Р-3316. Оп. 65. Д. 71. Л. 2–5.

¹³ См.: Там же. Д. 2. Л. 96.

¹⁴ См.: Там же. Л. 6–12.

УДК 340.14

О понятии «юридические советы»

Р.Б. ГОЛОВКИН – заместитель начальника Владимирского юридического института ФСИН России по научной работе, доктор юридических наук, профессор;

А.С. МЕЛЬНИКОВ – преподаватель кафедры физической подготовки Владимирского юридического института ФСИН России

В статье рассматривается такое средство правового регулирования общественных отношений, как юридические советы, раскрываются сущность и свойства данного понятия, дается его определение, а также отражаются результаты социологического исследования особенностей реализации юридических советов.

Ключевые слова: юридические советы; юридическая рекомендация; правовое регулирование; рекомендательные нормы; право; юридическая техника; правотворчество; правоприменение.

The concept of «legal advice»

R.B. GOLOVKIN – Deputy Head of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia for Science, Dsc. in Law, Professor;

A.S. MELNIKOV – Teacher of the Department of Physical Training of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia